

МЕТАМОРФОЗЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО НЕОЛИБЕРАЛИЗМА¹

© 2020 г. Ал. А. Громыко

Институт Европы РАН, Москва, Россия

E-mail: alexey@gromyko.ru

Поступила в редакцию 08.06.2020 г.

После доработки 15.06.2020 г.

Принята к публикации 28.07.2020 г.

Статья посвящена феномену политического неолиберализма, его генезису и эволюции. Явление изучается с помощью взаимосвязанных методологических принципов на стыке политической философии, политической теории и теории международных отношений. Автор анализирует дискурс “заката Европы” и шире — западноцентричного мира сквозь призму изменения форм классического либерализма, ставших частью политической идеологии. Особое внимание уделяется политическому неолиберализму, который из некогда динамичной системы принципов и ценностей превратился в догму и ассоциируется с наименее популярными сторонами гиперфазы глобализации. Описаны элементы ослабления западноцентризма, включая стратегическую расстыковку США и их европейских союзников. Затронута тема милитаризации мышления и внешней политики ряда стран. Автор считает, что деградация политического неолиберализма расчищает путь для поиска нового баланса между идейными традициями либерализма, консерватизма и коллективизма.

Ключевые слова: политический неолиберализм, либерализм, консерватизм, коллективизм, теория международных отношений, идеология, “закат Европы”, западноцентризм.

DOI: 10.31857/S0869587320110067

Изменения в политических процессах и европейских партийно-политических системах, экспертном дискурсе специалистов-международников, сопутствующих нарративах идут быстрыми темпами. В своё время мы давали оценку феномену либерального политического истеблишмента (ЛПИ), его дифференциации на ортодоксальную и умеренную части, возникновению “новой политической альтернативы” [1]. ЛПИ — явление, истоки которого можно проследить в первые де-

сятилетия после окончания Второй мировой войны, но сформировалось оно в современном виде в последние 40 лет, став политическим оформлением неолиберальной волны, прокатившейся по миру в 1980–1990-е годы. Среди опорных значатся как классические принципы ЛПИ послевоенного устройства западного мира (евроатлантизм, самоидентификация на основе понятия Запада во главе с США, обязательное членство своих стран в НАТО, ЕС или теснейшая с ними ассоциация), так и укоренившиеся в неолиберальную эпоху (глобализация на основе редуцированной политической экономии Вашингтонского консенсуса, отказ от “мягкой силы” в пользу “либерального интервенционализма”, курс на обострение геополитической конкуренции, подмена послевоенного универсального международного права категориями “многосторонности” и “порядка, основанного на правилах”, агрессивное продвижение ультралиберальных ценностей и социальных норм). Для приверженцев этого течения политической мысли происходящие изменения в расстановке сил на мировой арене наиболее болезненные. Начиная с 2016 г. их опасения по поводу перспектив западноцентризма многократно возросли из-за феномена брекзита и в результате ускорения при-

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич — член-корреспондент РАН, директор ИЕ РАН, председатель Ассоциации европейских исследований, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

Д. Трампе стратегического дрейфа США из Европы в Азию.

Эрозия ЛПИ происходит в русле стратегической расстыковки США и их европейских союзников. Относительное ослабление мировых позиций западных стран, включая США, изменение баланса сил в мире, перераспределение между ними ролей и ответственности за различные элементы мировой политики стали с начала нового столетия темами регулярных исследований в России и за рубежом. Событийным спусковым крючком для переосмысления евроатлантических перспектив послужили террористические атаки на США в сентябре 2001 г., вторжение в Ирак в 2003 г. с его драматическими последствиями, взлёт неоконсерватизма в американской внешней политике и реакция на него других стран, представитель иных школ внешнеполитической мысли.

По мере развития дискурса о состоянии дел в сфере международных отношений использовались как давно существующие, так и новые категории, предлагались перелицованные или действительно новаторские концепции и интерпретации событий, их предпосылок и последствий. В широкий оборот вошли современные или старые понятия, которые обрели новую жизнь в текущем контексте: концерт держав, новая холодная война, новая нормальность, панъевропеизм, европочвенничество, еврозападничество, новая биполярность, Хельсинки-2, нишевая держава, двухъядерный Запад, многосторонность, порядок, основанный на правилах, стрессоустойчивость и другие, включая новоиспечённую “незападность” (*westlessness*) [2]. Многие термины и концепции без какого-либо критического осмысления, что вполне объяснимо, были включены в отечественный научный оборот в период полного доминирования западной теории международных отношений, последовавший за распадом Советского Союза [3]. Пожалуй, одной из немногих сфер в исследовании международных отношений, где уже тогда были предложены оригинальные концепции и подходы, стала область цивилизационной геополитики [4–6].

В постсоветской России вопрос о создании обособленной теории международных отношений (ТМО) по большому счёту не ставился, в отличие, например, от Китая. Одновременно прикладная внешнеполитическая аналитика в нашей стране — одна из самых сильных в мире. Конечно, создание некой собственной обособленной теории — путь тупиковый в силу интернациональной природы науки о международных отношениях, как, впрочем, и любой другой современной области знания. Однако для страны, которая претендует на ведущую роль в модернизации и тем более в формировании новой международной повестки дня, обновлённой системы глобального управле-

ния, необходимо быть ключевым актором в развитии ТМО. Теория международных отношений не только объясняет прошлое и настоящее, изучает мир, “какой он есть”, но и работает на упреждение, занимается прогнозированием, формулирует новые концепты и понятия, обосновывая и корректируя внешнюю политику конкретного государства, отчасти задавая само течение событий в будущем [7]. На сегодня, как представляется, наиболее весомый вклад в ТМО, помимо геополитических и цивилизационных сюжетов, российские учёные внесли, развивая концепцию многополярности/полицентризма, в том числе через призму региональных исследований [8–10]. Большие наработки в осмыслении эволюции системы международных отношений прослеживаются в официальных документах, прежде всего в концепциях внешней политики России [11].

Занимать сильные позиции в развитии теории международных отношений важно не только для значимости собственной науки как самоцели, но и для выполнения прикладных задач, включая фундаментальность национального образования, формирование экспертного и общественного мнения в стране и за рубежом, нарративов и терминов, рождённых в отечественном котле научной мысли. В противном случае трудно уйти от подражательства и “игры по чужим правилам”. Самый объективный американский, французский и иной другой учёный-международник всегда будет тяготеть к тому, чтобы смотреть на мир сквозь призму культурной и исторической матрицы своей страны. Наука интернациональна по своей природе, но не менее ценны её разнообразие, соревновательность и многоголосие, которые создаются различными школами мысли, опирающимися, в свою очередь, на тот или иной национальный опыт.

Международные исследования как отрасль знания возникли в западной науке, но это не значит, что у отечественных учёных здесь нет конкурентных преимуществ. Во-первых, сама структура мировой политики уже давно не предопределяет монополизм западной мысли. Скажем, такой ключевой элемент мировой политики, как Организация Объединённых Наций, созданная в 1945 г., и в целом Ялтинско-Потсдамская система международных отношений, были совместными проектами Запада и Востока. Неудивительно, что современный нарратив “либерального мирового порядка” направлен на то, чтобы ретроспективно обнулить роль России в создании ряда универсальных механизмов глобального управления, не находящихся под чьим-либо контролем. Во-вторых, в России до сих пор сохранились академическая наука и крупные исследовательские центры в ряде университетов. Они обеспечивают фундаментальный, комплексный, междисциплинарный, долговременный подход к исследованию

международных отношений и мировой политики, которым обладают лишь считанные зарубежные центры. В-третьих, переходный характер международных отношений, их уход от западноцентричности дают возможность отстраниться и от западноцентричности в международных исследованиях, начать с чистого листа. Вероятно, перспективнее всего это делать на стыке политической философии, политической теории и теории международных отношений, что уже предложено рядом российских учёных и используется в написании крупных трудов [7, 12, 13].

БАЛАНС СИЛ В МИРЕ И ЛИБЕРАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Тема изменения конфигураций мировых и региональных игроков, правил, регулирующих их взаимоотношения, имеет давнюю историю, которая намного старше XX в. Она находила своё воплощение в разные исторические эпохи в трудах Фукидида и Н. Макиавелли, Р. Челлена и Х. Маккиндера, К.Н. Леонтьева и Н.С. Трубецкого, П. Галлуа и Г. Киссинджера. Большую часть Нового и Новейшего времени под изменением баланса сил понималось прежде всего их распределение и перераспределение на Европейском континенте (между европейскими империями), а по мере усиления США и окончательно после ухода в прошлое биполярного мира — внутри коллективного Запада. В XIX в. ещё существовали крупные неевропейские центры силы, в первую очередь Китай и Османская империя. Однако Китай в результате Опиумных войн был низведён в мировой табели о рангах даже не на вторые, а на третьи роли, а Турция фактически стала элементом системы международных отношений, во главе которой стояли европейцы. Первую брешь в этом заведённом порядке вещей пробила Первая мировая война, под впечатлением которой была написана хрестоматийная работа О. Шпенглера “Закат Европы”. Вторая мировая война и её последствия, с одной стороны, ещё больше понизили статус европоцентризма в мировой политике, а с другой — его частично реабилитировали, проложив дорогу к созданию европейских сообществ и крупнейшего на сегодняшний день регионального интеграционного проекта.

Предтечей современной стадии дискурса о “закате Европы” или шире — Запада стала не менее хрестоматийная концепция “столкновения цивилизаций” С. Хантингтона, которая достаточно быстро, благодаря ходу событий, одержала верх над прогнозами Ф. Фукуямы [14, 15]. Вновь появились рассуждения в духе европейского декаданса. Задолго до миграционного кризиса 2015 г. в Старом Свете и прихода годом позже к власти в США Д. Трампа тему “смерти Запада” в привязке к демографическим и миграционным процессам

поставил Патрик Бьюканен [16]. Всё более дифференцированными становились интерпретации самого понятия Запад [17]. Обсуждение его “разложения” ведётся на страницах большинства западных специализированных журналов [18].

И всё же потребовалось немало лет, чтобы не только среди теоретиков международных отношений, но и в евроатлантическом экспертном сообществе, сопровождающем внешнюю политику западных стран и организаций, был признан факт относительного ослабления США и Запада в целом и возвышения других государств и регионов в качестве важных участников глобального и регионального управления. Ещё медленнее происходило осознание этого факта в рядах западного политического истеблишмента, особенно европейского.

В кризисе в первую очередь оказалась либеральная идея, точнее, её неолиберальная разновидность. «Нынче большинство либералов либо разъярены, либо напуганы, — пишет И. Крастев. — Они ощущают себя обманутыми историей, или, точнее говоря, идеей “конца истории”» [19]. Под вопрос ставятся судьбы либеральной демократии как таковой. Сам Ф. Фукуяма, характеризуя её как “режим, который балансирует на опорах государства, законности и подотчётности” [20, р. 541], приходит к удручающему с точки зрения сторонников ЛПИ выводу: “Институциональные формы, воспринятые определёнными странами, такими как Соединённые Штаты, не являются универсальными моделями. ...Никто из живущих в укоренённой либеральной демократии не должен считать её выживание гарантированным. Не существует автоматического механизма в истории, который делает прогресс неизбежным” [там же, р. 542, 548].

О какой же разновидности либерализма идёт речь? Масштабные видоизменения классического либерализма начались после Второй мировой войны. Для этого потребовалось, чтобы доктрина свободного рынка была опрокинута Великой депрессией в 1930-е годы и социальный либерализм восторжествовал после 1945 г. на волне послевоенных массовых ожиданий. Тогда история либеральной мысли продемонстрировала, что либерализм может быть вместилищем гуманистической традиции в союзе с левой идеей. Такой союз привёл к внедрению практики социального государства и социального рынка, создал феномен государства благосостояния, на котором здесь до сих пор во многом зиждется социальный мир в Европе. У. Беверидж, один из идейных отцов-основателей государства благосостояния, был не консерваторм и не социал-демократом, а известным деятелем Либеральной партии Британии.

Следующий период крупных изменений пришёл на 1970—1980-е годы, когда получил рас-

пространение экономического неолиберализма на основании идей (в части социальной и экономической теории) Ф. фон Хайека, Л. фон Мизеса, К. Поппера, И. Берлина, М. Фридмана и др. Достаточно быстро экономический неолиберализм перерос в политический, воплотившись в феноменах тэтчеризма и рейганомии.

В 1990–2000-е годы на фоне раскручивания ультрафазы глобализации политический неолиберализм превращался из динамичной и для своего времени эффективной концепции в догматическую, а по ряду вопросов — в политическую идеологию, нетерпимую к иным взглядам. Продвижение неолиберальных идей с конца 1990-х годов стало срачиваться с силовыми методами изменения действительности, будь то концепции “гуманитарной интервенции”, “смены режима” или “демократической революции”. В этом либерализм слился с правым консерватизмом (неоконсерватизмом), создав гремучую смесь, которая породила идею “либеральной военной интервенции”. Президент Франции Э. Макрон сказал об этом так: “Иногда мы ошибочно пытались насадить наши ценности, изменить режимы без участия народов. Так было в Ираке и Ливии... в определённые моменты такие мысли были и в отношении Сирии, но там всё провалилось. В целом этот элемент западного подхода, без сомнения, был большой ошибкой начала нового века. Он стал результатом слияния двух течений: права на вмешательство и неоконсерватизма. Они переплелись и дали эти трагические результаты, потому что, как мне кажется, через суверенитет народов нельзя переступить” [21].

Предотвратить новую ремилитаризацию политики западных стран не удалось ни на базе идей “мягкой” и “умной” силы Дж. Ная, ни основываясь на философии нормативной силы ЕС. К настоящему времени силовой способ решения проблем превратился в основную для США, а сформированная осенью 2019 г. Еврокомиссия официально провозгласила ЕС геополитической силой, хотя в недалёком прошлом этот термин использовали в ЕС в основном как бранный [22]. Политический неолиберализм, концептуально разработанный в 1970-е годы, в том числе с использованием идей классического либерализма, долгое время имел широкую электоральную базу, наиболее многочисленной частью которой был средний класс. С течением времени произошло его перерождение, в результате чего он превратился в идеологию, обслуживающую глобальную финансовую олигархию. Средний класс, возникший в эпоху государства благосостояния, стал размываться и расслаиваться с обеднением своих нижних слоёв. Эти процессы были среди основных причин, приведших в 2008 г. к Великой рецессии и появлению феномена нового популизма.

Кризис политического неолиберализма, вышедшего из лоно либерализма как политической философии и проделавшего путь от политической теории до политической идеологии, неразрывно связан с нарастанием проблем в отношениях между государствами по обе стороны Атлантического океана. Уже 20 лет назад не было недостатка в предупреждениях о стратегическом расхождении США и их европейских союзников [23–25]. К настоящему времени отношение к феномену снижения роли Запада в международных делах изменилось настолько, что вместо иррационального отрицания происходящего перераспределения сил в мире не в пользу Запада можно нередко встретить противоположную крайность — свехалармистские настроения по поводу утраты им каких-либо лидирующих позиций. Дамбиса Мойо, вошедшая в 2009 г. в сотню самых влиятельных людей в мире по версии журнала “Тайм”, пишет: “США стоят на дороге к созданию наилучшей, самой продажной формы государства... которая рождается из отчаяния в результате многолетней неверной экономической политики и в обществе, которое ненасытно пожирает само себя” [26, с. 279].

Раньше в психологии “осаждённой крепости” на Западе постоянно обвиняли Россию, теперь же там сами неустанно занимаются поисками врагов внешних и внутренних. Особую роль в усугублении этих настроений сыграли брекзит и внешняя политика Д. Трампа, хотя пересмотр внешнеполитической и военной стратегии начался не при нём, а при Дж. Буше-мл. и Б. Обаме. О последнем Р. Каган писал в 2015 г.: “Он, вероятно, первый президент [США] после Второй мировой войны, которому совершенно всё равно, что происходит в Европе” [27]. Именно при Б. Обаме достаточно объективный анализ реальных ресурсов и возможностей США стал переключиваться из исследований мозговых центров в официальные документы [28].

Необходимо отметить, что на научном и экспертном уровне уязвимость внешней политики США, методов и принципов, на основе которых она проводится, включая одержимость доминированием и игнорирование мнения других, становилась объектом постоянной критики задолго до прихода в Белый дом перечисленных выше президентов. Хрестоматийной в этом отношении стала книга Дж. Фулбрайта “Самонадеянность силы”, опубликованная в далёком 1966 г. [29]. За несколько лет до него Рональд Стил писал, как страдают евроатлантические связи из-за отношения США к их европейским союзникам как к сателлитам [30]. Всегда было сильно мнение, что либеральный мировой порядок (или его синоним — “мировой порядок, основанный на правилах”), без упоминания которого теперь не обходится почти ни один западный внешнеполитический

документ или исследование, посвящённые международным делам, практически никогда на деле не был либеральным по своей сути. “У США есть лишь несколько союзников, если вообще сколько-нибудь. В действительности они располагают набором наций, с которыми они поддерживают отношения соподчинения” [31, р. 3]. Это сказано не в наши дни, а в 1978 г. известным американским политиком Юджином Маккарти, который в ещё в 1967 г. выпустил книгу о пределах силы США [32]. Однако в 1960–1990-е годы такая критика носила, скорее, предупреждающий характер, большей частью она игнорировалась американским политическим истеблишментом и в целом не меняла внешнеполитическое поведение США.

НЕОЛИБЕРАЛИЗМ – ОТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ И ПРОПАГАНДЕ

Усиливающаяся неуверенность Запада в своём будущем обострила споры о роли государства-нации, которые начались ещё в 1990-е годы, и природе демократии как таковой. Принципы либеральной демократии как разновидности политической (плюральной) демократии, учитывающей интересы меньшинств, всё больше начали ставиться под вопрос сторонниками мажоритарной демократии (демократии большинства) и прямого волеизъявления народа, что опять же ярко высветил брекзит. Особую политическую и идеологическую чувствительность обрели дискуссии о перспективах либеральной мысли и практики и как ответвление – либерального мирового порядка. Последняя категория превратилась в одну из наиболее употребляемых в исследованиях о международных отношениях, став фактически клише в лексиконе ЛПИ. Вот одна из многочисленных цитат с использованием примерно одного и того же набора слов: “Москва применяет разнообразные инструменты для разрушения и подрыва американской гегемонии и либерального порядка” [33, р. 396]. Другой пример: “Две мировые войны в первой половине XX века привели к трансформации концерта держав XIX века в либеральный международный порядок, с которым мы живём сегодня” [34, р. 7]. Основной лейтмотив большинства западных исследований на эту тему – опасения по поводу заката “либерального порядка” и рецепты, как это предотвратить или хотя бы минимизировать потери “либерального Запада” из-за происходящего перераспределения сил в мире [35].

Массово используя термин либерализм, в том числе в идеологических целях, сторонники ЛПИ монополизируют его так же, как термин “Европа” монополизируют в Евросоюзе, применяя его в качестве синонима ЕС. Выражение “либераль-

ная демократия” употребляется вместо “политическая демократия”, “либеральные идеи” – вместо “идеи свободы”, “либеральный международный порядок” – вместо “справедливый международный порядок” и т.д. В действительности речь идёт именно о политическом неолиберализме как об одной из политических теорий, много заимствовавшей у либерализма как политической философии. Возникнув в развитие экономического неолиберализма, позже политический неолиберализм дал жизнь и политической идеологии. Отметим, что каждая из трёх мировых политических философий имеет свои воплощения в виде политических теорий и политических идеологий. Первые исходят из мировоззренческих установок и принципа “картезианского сомнения”; вторые используют определённый набор идей для их применения в политическом процессе; третьи представляют собой наиболее редуцированные формы политических философий и направлены на достижение конкретных целей в партийно-политической борьбе. После развала Советского Союза и социалистического лагеря, отступления по всему миру левой идеи возникло искушение универсализации либеральных принципов, изображения их как основ западной культуры, начиная с эпохи Просвещения. Французский философ Ш. Дельсоль так описывает эту интерпретацию истории идей: “В течение двухсот лет после Великой французской революции западная культура претендовала на статус гаранта универсальных ценностей для обоснования своего распространения по всему миру” [36, р. 21].

На фоне активно продвигаемого дискурса о судьбах либерализма (точнее – неолиберализма) всё большему забвению предаются наследие и классические представления о трёх великих традициях политической мысли: либерализме, консерватизме и коллективизме [37]. По историческим меркам ещё не так давно их значимость и востребованность, необходимость поиска эффективного баланса между ними в интересах общественного развития считались очевидными. В послевоенную эпоху “массовых партий” и классовой политики партийно-политические системы демократических стран балансировали между этими тремя политическими философиями, на базе которых создавались конкретные политические идеологии (левые, правые, центристские). По сути, речь шла о соотношении ценностей свободы, традиции и справедливости – другими словами, о том, как должны строиться отношения между индивидом и обществом и между ними и государством.

Однако переключение глобализации в 1980-е годы на неолиберальный путь развития привело к явному вытеснению свода идей консерватизма и коллективизма из политического дискурса и процесса в сфере партийно-политических систем –

к возникновению “универсальных партий” без чёткой классовой ориентации, доминированию неолиберализма не только в экономике, но и в политике. Именно об этом говорил Дж. Къеза в отношении отката левой идеи, напоминая о тезисах А. Грамши в “Тюремных тетрадах”: “Я говорю об общеевропейском тренде... левые капитулировали и стали послушно следовать в русле единого тоталитарного навязанного миру западного дискурса” [38, с. 3]. И всё же о засилье неолиберализма часто продолжают рассуждать, как о либерализме. Так, В. Меркель, профессор Берлинского университета им. Гумбольдта, пишет: “[В] Германии, как и в большинстве западных стран (не в Восточной Европе), в общественном дискурсе наблюдается чёткое преобладание либерализма” [39]. По мнению нидерландского политолога К. Мудде из университета Джорджии, кризис либеральной демократии сегодня состоит в том, что “в её сердце — идеологический вакуум” [40, р. 11]. Конечно, в партийно-политических системах многих стран по-прежнему существуют либеральные партии, генетически связанные с классическим либерализмом и его последующими разновидностями. Более того, например, в новом составе Европейского парламента после выборов в мае 2019 г. они укрепили свои позиции.

Однако политический неолиберализм претендует на нечто большее — на парадигмальную роль в духе “конца истории”. Но в отличие от 1980—1990-х годов, когда “конец истории” предполагал окончательный триумф именно либеральной демократии, позже речь пошла не столько об идеологии рыночного раскрепощения и “отбрасывания государственного влияния назад”, сколько об обосновании новой фазы глобализации и огромной власти транснационального капитала, особенно в сфере информационных и коммуникационных технологий, Интернета, социальных сетей, больших данных, программного обеспечения.

После того как США в стратегии национальной безопасности 2017 г. провозгласили тезис о возобновлении геополитической конкуренции и большинство их союзников с этим быстро согласилось, политический дискурс в условиях информационных войн форсировал представление о либерализме как о доминирующей системе ценностей. Вновь стали абсолютизировать права индивидуума и правозащитную тематику, включающую теперь набор постмодернистских ценностей, делать упор на политические и гражданские права в ущерб экономическим и социальным. Этот нарратив стал “переливаться” во внешнеполитическую сферу с делением государств на приверженцев “многосторонности”, “порядка, основанного на правилах” и на всех других, на “либеральные” и “нелиберальные” государства, фетишизировать одни свободы и пренебрегать

другими. Для преодоления кризиса в собственном развитии, пишет Н. Гнесотто, “на Западе вновь прибегли к бескомпромиссной идеологической борьбе, но на сей раз не между Востоком и Западом... а между либеральными демократами и суверенными автократами” [41, р. 139]. В дискурсе о международных отношениях неолиберализм ринулся подминать под себя другие школы мысли, в первую очередь теорию и практику реализма.

Использование различных граней либерализма как политической идеологии было распространено и в прошлом. В годы холодной войны такой подход, основанный на ценностях, выглядел достаточно убедительным в условиях противостояния двух мировоззренческих систем — социализма и капитализма. Но сейчас такого противостояния в больших масштабах нет. Монополия на “либеральную истину” опиралась и на другие аргументы рационального свойства, например, на более высокое благосостояние населения в странах “либеральной демократии” и большую эффективность их модели развития. Однако и они сегодня плохо работают в условиях быстрого и длительного экономического роста многих государств, которых сторонники ЛПИ относят к нелиберальным, в первую очередь Китай, Вьетнам и др.

Происходящая путаница и подмена понятий объясняется достаточно просто: конструируются определённые понятия-символы, якобы не требующие доказательства; они внедряют в массовое сознание априори “правильные” смыслы как положительные, так и отрицательные. В ситуации омассовления (депрофессионализации и примитивизации) дискурса о системах политических идей и ценностей за скобки выводятся размышления о соотношении либерализма и демократии, не говоря уже о мажоритарной и плюральной формах последней. Такое судьбоносное решение, как брекзит, принято незначительным большинством голосов поданных Соединённого Королевства, причём путём референдума, то есть через голову механизмов представительной демократии. Но одновременно в этой же стране, как и у её континентальных соседей, абсолютизируются права, например, сексменьшинств. В свете этого дискредитируется само представление о либерализме как о политической философии, которая имеет мало общего с политическим неолиберализмом.

В результате примитивности и крайнего упрощенчества в пропаганде политического неолиберализма его адепты оказывают медвежью услугу самой либеральной философии. Ситуация здесь схожа с тем, как в российском массовом сознании в 1990-е годы были во многом дискредитированы ценности демократии, которыми прикрывались “реформы”, создавшие в стране олигархический капитализм. Необходимость напоминания об ис-

тинном смысле либерализма, который так деформируют и его оголтелые критики, и чрезмерно рьяные сторонники, понимают многие не только на Западе, но и в России. С.Ф. Черняховский указывает, что либерализм был рождён веком Просвещения и что либерализм — “это явление такого масштаба, которое не может быть уничтожено благодаря неудачной авантюре той или иной политической партии” [42, с. 38].

Лет 20–30 назад в Западной Европе и США шло активное обсуждение альтернативных моделей рыночного и общественного развития (например, “третий путь” в Британии, “средний путь” в Германии, коммунитаризм в США, экономика стейкхолдерства и др.). Этот период совпал со временем больших ожиданий, вызванных окончанием холодной войны и распадом биполярной системы мира. Однако неоконсервативная волна в США в начале XXI столетия и начало кризисного периода в развитии ЕС подвели под них черту. Великая рецессия нанесла по экономическому и политическому неолиберализму сильный, но не смертельный удар. Стремление с тех пор возродить дискурс о вариативности общественного развития силами разнообразных движений “политической альтернативы”, партии и СМИ старого мейнстрима восприняли в штыки, без разбора изображая своих оппонентов как безответственных популистов, демагогов и нерукопожатных.

Такая тактика принесла неоднозначные результаты. Крахом закончился левый проект в Греции — феномен Сиризы. В декабре 2019 г. всеобщие выборы в Британии развеяли надежды на приход к власти сторонников корбинизма (по имени лидера Лейбористской партии Дж. Корбина) как обновлённой версии прогрессивной социал-демократии [43]. Достаточно парадоксальным образом, но идеи коллективизма, социальной солидарности, перераспределительной политики громко заявили о себе по другую сторону океана — в лице Б. Сандерса — со времени президентской избирательной кампании в США в 2016 г. Именно он в 2020 г. вновь стал одним из двух основных претендентов на пост президента США от Демократической партии.

На фоне доминирования политического неолиберализма в Европе продолжался демонтаж государства благосостояния и механизмов социального рынка как до, так и после Великой рецессии. Конечно, этот процесс далеко не закончен, и подушка социальной безопасности у большинства стран-членов ЕС ещё не исчезла. Более того, под впечатлением мирового экономического кризиса произошёл определённый перезапуск идеи “социальной Европы” благодаря предыдущему составу Еврокомиссии во главе с Ж.-К. Юнкером [44]. Но это не повернуло вспять снижение уров-

ня социального неравенства и бедности, увеличение количества прекариата при том, что показатели безработицы в ЕС улучшились в последние годы. Идеи экономики роста, социального контракта в чём-то были реабилитированы, но произошёл лишь их косметический ремонт. С 2020 г. мировая экономика вновь входит в период замедленного развития — тенденция, которая проявилась задолго до начала эпидемии коронавируса и была им лишь ускорена.

Сущностное обсуждение проблем социальной справедливости и учёта интересов уязвимых слоёв населения в европейских странах всё чаще подменяется обсуждением проблем “иного измерения”, например, “зелёной” и климатической повестки дня, вокруг которых как сверху, так и снизу выстраиваются массовые общественные движения, ориентированные в первую очередь на молодёжь. Они вытесняют привычный набор представлений о главных вызовах и угрозах; например, до мизерных размеров сократилось антивоенное движение, хотя мир как никогда за последние 50 лет в нём нуждается. Лишь немногие голоса в России и на Западе призывают одуматься и прекратить переносить трафарет “новой нормальности” на сферу контроля над вооружениями [45–47].

К началу 2020-х годов банкротство неолиберальных идей в политике и экономике стало очевидным. Очередной удар по концепции либерального мирового порядка нанёс брекзит. Решение выйти из ЕС такой страны, как Британия, поколебало фундамент западноевропейской интеграции и более того — западную картину мира. Развитие ЕС всегда рассматривалось как бесповоротный и нескончаемый процесс, превратившийся в своего рода светскую религию и непрерываемую аксиому. На представлении о том, что Евросоюз является воплощением лучших достижений человечества и членство в нём — счастье для любой страны, зиждилась вся философия “европейской мечты”. Считалось, что, опираясь на неё, ЕС станет в XXI в. новым глобальным лидером, затмив “американскую мечту”.

“Стенобитной машиной” британских евроскептиков для пролома бреши для побега из ЕС стали не столько соображения материальной выгоды от брекзита, сколько идеология британской исключительности, величия, исторического комплекса превосходства над континентальными соседями. А это на порядок усилило болезненность событий для сторонников евроинтеграции, так как наносило удар, в первую очередь не по её “телу” — экономике, а в самое сердце — по системе ценностей, которая в омассовлённом сознании оказалась накрепко привязанной к термину либеральный.

Политкорректности в отношении и экономического, и политического неолиберализма пере-

стали придерживаться даже ведущие фигуры западного истеблишмента. В интервью журналу “Экономист” президент Франции Э. Макрон заявил: «Мы столкнулись с кризисом внутри самой Европы; это экономический, социальный, моральный и политический кризис, который начался десять лет назад... Существует глубокое направление мысли, сложившееся в период между 1990 и 2000 годами вокруг идеи “конца истории” и бесконечного расширения демократии, а также триумфа Запада как универсальной системы ценностей. На тот момент, до 2000-х годов, это была общепризнанная истина, после чего в результате ряда потрясений мы увидели, что на самом деле всё обстоит иначе” [21]. Добавим, что в терминологии ЛПИ упомянутая “универсальная система ценностей” и является “либеральной”.

* * *

То, что мы наблюдаем сегодня, это ослабление не либерализма как политической философии, а отступление западнцентричного мирового порядка и обслуживающего его политического неолиберализма, который в своей части вырождается в пропаганду, в том числе псевдонаучную. Эта разновидность либерализма в результате нескольких десятилетий идейной гегемонии эволюционировала из политической теории в динамичную, а затем догматичную политическую идеологию. Последняя обслуживает интересы финансовой олигархии, гиперглобализацию и правящие элиты, воспитанные на упрощённых принципах Вашингтонского консенсуса, однополярного мира, военных интервенций, вмешательства в дела других государств. Побочным следствием этого процесса стало нагнетание впечатления о кризисе либерализма как такового. Однако политический неолиберализм сдвигает свои позиции так же неизбежно, как неизбежно происходит перераспределение сил в мире, высвобождая путь для поиска нового баланса между политическими традициями либерализма, консерватизма и коллективизма. Этот поиск крайне важен не только для политической теории, но и для теории международных отношений, развитие и практическое применение которой окажут самое непосредственное влияние на поведение субъектов мировой политики в последующие годы.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает благодарность Ю.А. Борко и Ю.И. Рубинскому (ИЕ РАН), Т.А. Алексеевой и М.М. Лебедевой (МГИМО(У) МИД России), П.А. Цыганкову (МГУ им. М.В. Ломоносова) за высказанные рекомендации и замечания в ходе работы над статьёй.

ЛИТЕРАТУРА

1. Громыко Ал.А. Расколотый Запад: последствия для Евразии // Современная Европа. 2018. № 4. С. 5–16.
2. Munich Security Report 2020: Westlessness. www.securityconference.org/en/publications/munich-security-report/
3. Цыганков А.П., Цыганков П.А. Теория международных отношений и образ желаемого завтра // Международные процессы. 2019. № 2. С. 8–18.
4. Цимбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2007.
5. Россия в многообразии цивилизаций / Под ред. Н.П. Шмелёва, Т.Т. Тимофеева, В.П. Фёдорова. М.: Институт Европы РАН; Весь мир, 2011.
6. Яковец Ю.В. Собрание сочинений. Электронное научное издание. М.: МИСК, 2017–2018.
7. Алексеева Т.А., Лебедева М.М. Что происходит с теорией международных отношений // Политические исследования. 2016. № 1. С. 29–43.
8. Россия в полицентричном мире / Под ред. А.А. Дынкина, Н.И. Ивановой. М.: Весь мир, 2011.
9. Russia in a Polycentric World / Eds. A.A. Dynkin, N.I. Ivanova. M.: Ves Mir Publishers, 2012.
10. Европа между трёх океанов / Под ред. Ал.А. Громыко, В.П. Фёдорова. М.: ИЕ РАН; Нестор-История, 2019.
11. Неймарк М.А. Эволюция внешнеполитической стратегии России. Монография. М., Проспект, 2020.
12. Современная политическая наука. Методология: Учебник для магистрантов и аспирантов. Изд. 2-е, испр. и доп. / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, А.И. Никитина. М.: Аспект Пресс, 2019.
13. Алексеева Т.А. Теория международных отношений как политическая философия и наука. М.: Аспект Пресс, 2019.
14. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Simon and Schuster, 1996.
15. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. N.Y.: Free Press, 1992.
16. Buchanan P. The Death of the West: How Dying Populations and Immigrant Invasions Imperil Our Country and Civilization. N.Y.: Thomas Dunne Books, 2001.
17. Uses of the West: Security and the Politics of Order / Ed. by B. Herborth, G. Hellman. UK: Cambridge University Press, 2017.
18. Kumm M., Havercroft J., Dunoff J., Wiener A. Editorial: the End of “the West” and the Future of Global Constitutionalism // Global Constitutionalism. 2017. № 1. P. 1–11.
19. Крестев И. Восток разлюбил Запад // IPG – Международная политика и общество; Фонд им. Ф. Эберта. 24.02.2020. <https://www.ipg-journal.io/intervju/statja/show/vostok-razljubil-zapad-1003/> (дата обращения 13.03.2020).
20. Fukuyama F. Political Order and Political Decay. London: Profile Books, 2014.

21. Emmanuel Macron in his own words. The French president's interview with *The Economist* // *The Economist*. 2019. November 7.
22. A Union that strives for more. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European economic and social Committee and the Committee of the regions. Commission Work Programme 2020. 29.01.2020. https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar%3A7ae642ea-4340-11ea-b81b-01aa75ed71a1.0002.02/DOC_1&format=PDF (дата обращения 20.03.2020).
23. *Hutton W.* *The World We're In*. London: Little, Brown Book Group, 2002.
24. *Leonard M.* *Why Europe Will Run the 21st Century*. London; N.Y.: Fourth Estate, 2004.
25. *Rifkin J.* *The European Dream: How Europe's Vision of the Future is Quietly Eclipsing the American Dream*. N.Y.: Jeremy P. Tarcher/Penguin, 2004.
26. *Моïо Д.* *Как погиб Запад*. М.: Центрполиграф, 2011.
27. *Kagan R.* *The Crisis of World Order* // *The Wall Street Journal*. 2015. November 20. <https://www.wsj.com/articles/the-crisis-of-world-order-1448052095> (дата обращения 20.03.2020).
28. National Intelligence Council Global Trends Assessment: Paradox of Progress. 2017. January. <https://www.dni.gov/files/images/globalTrends/documents/GT-Full-Report.pdf> (дата обращения 20.03.2020).
29. *Fulbright J.W.* *The Arrogance of Power*. N.Y.: Random House, 1966.
30. *Steel R.* *The End of Alliance: America and the Future of Europe*. N.Y.: Viking Press, 1964.
31. *McCarthy E.* *Look, no Allies* // *Foreign Policy*. 1978. № 30. P. 3–16.
32. *McCarthy J.* *The Limits of Power: America's Role in the World*. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1967.
33. *Ikenberry G.J., Nexon H.D.* *Hegemony Studies 3.0: The Dynamics of Hegemonic Orders* // *Security Studies*. 2019. V. 28. № 3. P. 395–421.
34. *Maull H.W.* *The Once and Future Liberal Order* // *Survival*. 2019. V. 61. № 2. P. 7–32.
35. *Guillen M.* *The Demise of the Global Liberal Order* // *Survival*. 2019. V. 61. № 2. P. 87–90.
36. *Delsol Ch.* *The Waning of Universalism* // *Politique étrangère*. 2019. V. 84. № 1. P. 23–35.
37. *Greenleaf W.H.* *The British Political Tradition*. V. 1. *The Rise of Collectivism*. V. 2. *The Ideological Heritage*. London; N.Y.: Methuen, 1983.
38. *Кьеза Дж.* *Новый Европейский популизм: Италия начинает* // *Изборский клуб*. 2018. № 6. С. 68–75.
39. *Меркель В.* *Гегемония левых либеральных сил и гипертрофированное самолюбие // IPG – Международная политика и общество; Фонд им. Ф. Эберта*. 13.11.2019. <https://www.ipg-journal.io/intervju/statja/show/gegemonija-levykh-liberalnykh-sil-i-gipertrofirovannoe-samoljubie-930/> (дата обращения 17.03.2020).
40. *Mudde C.* *Liberalism on the front foot* // *Prospect*. January–February 2020. P. 11.
41. *Gnesotto N.* *Europe in ten years* // *Politique étrangère*. Spring 2019. P. 133–144.
42. *Черняховский С.Ф.* *От какого либерализма мы отказываемся* // *Славяне*. 2019. № 3. С. 37–38.
43. *Inside Left: the meaning of the Corbyn movement* // *Prospect*. December 2019. № 283. P. 21–26.
44. *Борко Ю.А., Биссон Л.С.* *Европейская интеграция: перезапуск идеи “социальной Европы”* // *Современная Европа*. 2019. № 6. С. 5–17.
45. *Арбатов А.Г.* *Грёзы и реальности контроля над вооружениями* // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. № 11. С. 5–16.
46. *Lewis J.* *The New Arms Race* // *Prospect*. January–February 2020. № 284. P. 59–64.
47. *О новом понимании стратегической стабильности* // *Международная жизнь*. 2019. № 12. С. 4–21.